

Елена Ревуненкова

Жизнь и судьба Нины Ивановны Гаген-Торн — этнографа и поэта

Но поражен бывает мельком свет
Ее лица необщим выраженьем.

Е. Баратынский

Прошло 25 лет, как не стало Нины Ивановны Гаген-Торн — ученого, поэта, литератора в широком смысле слова. В ее жизни и судьбе воплотились как великие идеалы и культурные достижения, так и великие потрясения XX в., а биография неотделима от истории духовных взлетов и трагедий целого поколения российской интеллигенции, на долю которого выпало перенести тяжелейшие испытания. Тогда в научной среде известие о ее кончине не получило должного отклика: не было ни некролога, ни статей, посвященных ее памяти. И только спустя несколько лет в рамках разрабатываемой в российской этнографии темы репрессированных ученых появились две перекликающиеся между собой публикации: замечательные статьи А.М. Решетова и Г.Ю. Гаген-Торн, дочери Нины Ивановны, в которых описывается ее жизненный путь и раскрываются основные направления научной деятельности [Решетов 1994; Гаген-Торн Г.Ю. 1999]¹. Однако роль

Елена Владимировна Ревуненкова,
Музей антропологии
и этнографии
им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург
evrevu@gmail.com

¹ См. также биографические сведения в: [Хлопина 1990; Гаген-Торн Г.Ю. 1994а: 3; 1994б: 404; 2000: 3–4; Пискунова, Пискунов 1995; Решетов 2000; Люди и судьбы 2003: 108–109].

Н.И. Гаген-Торн в становлении и развитии отечественной этнографии и шире — культуры, ее мощное воздействие на духовное, интеллектуальное развитие людей, которым довелось с ней общаться, ее яркая индивидуальность не могли быть исчерпывающе отражены в двух работах.

Н.И. Гаген-Торн являлась активным действующим лицом российской науки, ее пламенным мотором, в значительной степени творила историю этой науки и достойна занимать место среди самых почитаемых ее представителей. Нина Ивановна была не только талантливым ученым и поэтом, в ней гармонично сочетались наука и литературный дар, логика научного анализа и поэтическое образное мышление взаимно проникали и обогащали друг друга. Без более полного освещения жизни и деятельности этой щедро одаренной талантами личности история российской науки и культуры лишились бы своих ярких страниц и была бы представлена в более тусклом свете.

Осталось очень мало людей, которые знали Н.И. Гаген-Торн и работали с ней в Ленинградской части Института этнографии АН СССР (в настоящее время Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН), большинство из ныне работающих здесь или плохо помнят ее, или ничего не знают о ней. Сама же Нина Ивановна была очень благодарным и памятливым человеком и отдала дань памяти многим своим учителям, друзьям, коллегам. Об одном из них — выдающемся, но забытом литературоведе Дмитрие Михайловиче Пинесе — она писала: «Как камень в глубокую воду, канул Пинес в лагерь и без вести пропал там. Мало кто знает об этом человеке, и я должна рассказать все что помню, потому что это был настоящий человек» [Гаген-Торн 1994: 41].

Этим кратким определением «настоящий человек» можно выразить суть самой Нины Ивановны. Чтобы память о ней не исчезла бесследно в потоке времени, чтобы «не распалась связь времен», я тоже считаю своим долгом попытаться рассказать о ней, дополнить опубликованные сведения и взглянуть на них сквозь призму своих воспоминаний. Я постараюсь описать некоторые черты характера Нины Ивановны, передать свое впечатление о ней, сложившееся за годы нашей дружбы, вспомнить ее высказывания, оценки тех или иных ситуаций, людей.

Нине Ивановне было очень важно посвящать собеседников в темы и отдельные сюжеты, над которыми она работала в данный момент, проверять, как воспринимают ее идеи коллеги, друзья, просто слушатели, оказавшиеся рядом. Она всегда ощущала потребность в диалоге, помогающем, как она говорила, заострять и оттачивать мысли. Поэтому окружающие неизменно оказывались вовлеченными в ее творческий процесс,

в водоворот ее мыслей и рассуждений. Главные произведения Н.И. Гаген-Торн, написанные в 60–70-е гг. прошлого века, в том числе и лагерные воспоминания, книга о «Слове о полку Игореве» не были изданы при ее жизни, но мы, ее друзья и коллеги, читали и обсуждали их. Во время этих бесед спонтанно возникали разговоры на самые разные темы, которые касались каких-то научных проблем, поэзии, ее учителей, друзей и событий времени ее юности и научного становления. Это были блестящие импровизации, которые представляли в лицах историю российской этнографии, философии, литературы, культуры. Многое, конечно, забылось, многое запомнившееся может показаться мелочами, но подчас именно мелочи способны придать портрету такие краски, которые ускользают при описании крупных событий и явлений.

Начну с краткой биографической справки, отсылая читателей к подробным описаниям жизненного пути Нины Ивановны, буквально по годам и даже месяцам, в указанных выше статьях А.М. Решетова и Г.Ю. Гаген-Торн. И затем сосредоточусь на историко-культурном контексте, в который была вписана ее биография, и на том образе, который сложился у меня от непосредственного общения и знакомства с ее творчеством.

Нина Ивановна Гаген-Торн родилась 2 декабря (по новому стилю 15 декабря) 1900 г. в Петербурге. Она была единственной дочерью в семье, относящейся к дворянской интеллигенции шведского происхождения (рис. 1). Отец Иван Эдуардович Гаген-Торн — известный хирург, профессор Военно-медицинской академии, заведующий хирургической клиникой барона Виллие, действительный тайный советник. Мать Вера Александровна (девичья фамилия Зоргенфрей) происходила из семьи крупного железнодорожного служащего, помогала в работе будущему мужу как медсестра. Окончила частную гимназию княгини Оболенской, затем Петроградский университет.

В 1927–1930 гг. — аспирантка Института литературы и языков Запада и Востока, где под руководством Д.К. Зеленина занималась изучением фольклора, и одновременно — сотрудник Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) по разряду этнографии. Много работала в экспедициях по Русскому Северу, Забайкалью, Поволжью, под руководством П.П. Ефименко принимала участие в Средне-Волжской экспедиции. В 1931–1932 гг. преподавала в Институте народов Севера. В 1932 г. она стала научным сотрудником II разряда Института по изучению народов СССР АН СССР, а с созданием на его базе Института антропологии и этнографии АН СССР в 1933 г. — этого нового этнографического учреждения.

Рис. 1. Нина с родителями, 1900-е гг.

Рис. 2. Нина — гимназистка выпускного класса, 1916 г.

17 октября 1936 г. была арестована. Отбывала срок на Колыме в 1937–1942 г. После освобождения находилась в ссылке в селе Чаша Курганской области, куда была сослана ее мать. По окончании срока ссылки поехала в Москву и начала работать научным сотрудником Фундаментальной библиотеки общественных наук. 3 января 1946 г. защитила кандидатскую диссертацию в Московском отделении Института этнографии АН СССР. Повторно арестована в конце декабря 1947 г., находилась в Темниковском лагере в Мордовии до 1953 г. Когда кончился ее срок, в январе 1953 г. была отправлена этапом на вечное поселение на Енисей. 16 апреля 1954 г. судимость была снята. С 15 апреля 1955 г. Нина Ивановна — научный сотрудник Ленинградской части Института этнографии АН СССР. Полностью реабилитирована в 1956 г. Вышла на пенсию в 1960 г., но продолжала очень продуктивно заниматься научной и литературной деятельностью. Умерла 4 июня 1986 г. Отпевание происходило в Никольском соборе в Ленинграде. Похоронена в пос. Большая Ижора, где прошли ее детство и юность и где в своем родном доме она жила и творила большую часть времени после возвращения из последней ссылки [Гаген-Торн Г.Ю. 1992: 91; 1994: 3; 1999: 308–310, 327–328; 2000; Решетов 1994; 2000].

Уже в сухой констатации фактов биографии Нины Ивановны просматривается история жизни многих людей ее поколения —

ровесников XX в., представителей дворянской и демократической интеллигенции. Некоторым из них удалось не быть окончательно раздавленным красным колесом истории и, побывав «по ту сторону жизни», вернуться и рассказать о ней правду. Нина Ивановна оказалась в их числе и оставила воспоминания — «мемуарный документ эпохи человека определенного класса и поколения. Человека, который всем сердцем хранит веру в лучшее будущее человечества, но не хочет прятать, какими путями и муками шла наша эпоха. Хочет правдиво показать будущему микроразрез эпохи, отложившийся в одной жизни и ее наблюдениях» [Гаген-Торн 1994: 380]. Девизом ее стали слова Льва Толстого из «Севастопольских рассказов»: «Главный герой всего этого — правда. Правда, как я ее увидел».

Сейчас уже ни у кого не вызывает сомнения, что личность, ее характер и интересы формируются главным образом в детстве. Н.И. Гаген-Торн провела детские и юношеские годы в пригороде Петербурга — поселке Большая Ижора, расположенном на южном берегу Финского залива за Ораниенбаумом, в просторном загородном доме, который был построен ее отцом (рис. 3). После возвращения из второй ссылки она снова поселилась в этом доме, своем родовом гнезде, сыгравшем огромную «структурообразующую» роль в ее жизни, о чем я скажу ниже. А в детстве в матроске и брюках «она лазала на сосны, ездила верхом, ходила в море на байдарке. И закалка этой вольной мальчишеской жизни, крепкое физическое и нравственное здоровье очень помогли ей в дальнейшем, в ее трудной

Рис. 3. Дом семьи Гаген-Торн в Большой Ижоре

судьбе», — так пишет ее дочь Галина Юрьевна [Гаген-Торн Г.Ю. 1999: 309]. Сама же Нина Ивановна в книге воспоминаний отказывается от подробного описания своих детских и юношеских лет, но дает понять, какое огромное влияние оказала окружавшая ее природа на формирование ее личности и характера.

Я не буду рассказывать <...> о том, как в юности шумели сосны над моей головой и шумели нараставшим прибором мысли. О том, как свежее дыхание Финского залива пробуждало жадность охватить землю, избегать ее ногами, проплыть ее моря и реки, насмотреться на обитающие ее существа.

Не буду говорить о том, что силы казались необъятными, впереди вечность, и достижима мечта перевернуть мир и сделать его окончательно прекрасным. Это свойственно было многим из нашего поколения [Гаген-Торн 1994: 5–6].

Рассуждая о свойствах свободно текущих рек и о пользе рек, управляемых с помощью шлюзов, она в соответствии со своей натурой предпочитает первый тип: «Но мне милее вольная река, вольно несущая яхты, и трепет их белых парусов. И мне необходимо, как вода для жизни, вольное течение мысли, ее сверканье, когда солнце меняет цвета и создает блестящие радуги» [Там же: 6]¹. Присущие ей с юности дух вольнолюбия и свободомыслия, стремление оставаться самой собой и идти своим путем Нина Ивановна сохранила на протяжении всей жизни. Никакие обстоятельства не могли заставить ее следовать общепринятым схемам и стереотипам, вступать в компромиссы с господствующей идеологией. В условиях тотальной лагерной системы — в жизни, науке, литературе и поведении — она всегда оставалась свободным человеком с вольным течением мыслей.

¹ Отношение Н.И. Гаген-Торн к природе — совершенно особая тема, имеющая большое значение для характеристики ее личности. Вольно или невольно большую часть жизни она провела на природе: в загородном доме, экспедициях, лагерях. Она оставила пронзительные описания мест, где бывала, в научных и литературных произведениях. Размышлениями о природе, эстетическим восприятием окружающего мира проникнуты и этнографическая повесть «С котомкой за плечами», и лагерные воспоминания, и публикация дневников Прокофьевых, и многочисленные стихотворения. Тонкое понимание природы у Нины Ивановны отмечала ее дочь [Гаген-Торн Г.Ю. 1999: 323, 329]. Как мне кажется, суть ее мировосприятия лучше всего передают стихи одного из ее любимых поэтов — Ф.И. Тютчева:

*Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик —
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...*

Таково же было и ее отношение к животным: Нина Ивановна была их страстной защитницей. В первую нашу встречу я присутствовала при ее беседе с коллегой о «собачьих делах» (по ее выражению) и была уверена, что передо мною не ученый, а представительница общества защиты животных, каковой она действительно и была.

Юность Н.И. Гаген-Торн совпала со временем двух революций — февральской и октябрьской. Как многие свидетели и современники этих событий, она была преисполнена романтических порывов, приветствовала «очистительную бурю» революции: «О, конечно, мы с радостью растаптывали Старый мир, мы были уверены, что будем создавать социализм. Но создавать на парламентский манер, своими интеллигентскими руками»; «Мы, конечно же, были за советскую власть! Она — порождение и проявление Нового мира, где все будет свободно и все будет разумно», — так описывает свое мироощущение того времени сама Нина Ивановна [Гаген-Торн 1994: 14, 15].

Свободолюбивая, с гимназических лет стремившаяся проявлять независимость, быть лидером Нина Гаген-Торн ринулась навстречу революционным веяниям и нашла выход своему бурному темпераменту в общественной работе. Она стала председателем Организации средних учебных заведений (ОСУЗ), которая ставила своей целью создание свободной самоуправляющейся школы, издавала газету «Свободная школа». Члены этой организации сотрудничали с педагогами старой школы и предъявляли свои требования к школьному образованию. «Мы чувствовали себя народными представителями своего поколения и будущими министрами России парламентских форм», — напишет об этом Н.И. Гаген-Торн [Гаген-Торн 1994: 21]. Стремительная, порывистая, экспансивная, заражавшая всех вокруг своей неизбывной жизненной энергией, Нина Ивановна (именно так, по имени отчеству, играя в парламент, называли друг друга 17–18-летние члены ОСУЗа) была к тому же очень хороша собой, что, конечно, придавало ей еще большую притягательную силу (см. рис. 2 выше).

Бывший член ОСУЗа, ставший позже известным писателем, Лев Успенский описал внешность Нины Ивановны, которая, по-видимому, произвела на него столь неотразимое впечатление, что спустя полвека после происходивших собраний этой организации он счел необходимым отметить ее: «Председательницей новой Управы оказалась белокурая, голубоглазая, решительная Нина Г., дочка известного военного хирурга. Девушка решительная и категоричная в суждениях, быстрая если не “на руку”, то на словесное воздействие на управцев, да к тому же обладавшая весьма на них влиявшей внешностью, Нина Г. тогда напоминала то ли персонаж из скандинавских саг и преданий — юную кайсу, то ли этакую григовскую Сольвейг» [Успенский 1970: 287]. При этом внешний облик северной красавицы контрастировал с бурным проявлением ее внутреннего темперамента и нередко экстравагантным поведением. Она была постоянно увлечена новыми идеями или вопросами, разрешить которые ей требовалось немедленно,

порой не в самый подходящий момент. Так, Нина могла в белые ночи «как обезьяна» (по ее словам) влезть по трубе в окно к профессору Д.М. Пинесу (с улицы она видела его склоненную над письменным столом голову, но ворота были закрыты), чтобы обсудить с ним несостоятельность гносеологических постулатов Канта или выразить восхищение философскими взглядами Владимира Соловьева, а потом соскользнуть вниз по трубе и бродить по светлому пустому городу [Гаген-Торн 1994: 42–43].

Затем был университет (1918–1922 гг.), юридический факультет, преобразованный в факультет общественных наук, свободное посещение самых разнообразных курсов и семинаров, житье в общежитии, коммуной, часто впроголодь, в холоде, но весело. В студенческой жизни были и серьезные обсуждения докладов на животрепещущие темы, и страстные споры, и шуточные инсценировки тех же докладов, и розыгрыши, и вечеринки, иногда заканчивавшиеся танцами прямо на Дворцовой площади [Гаген-Торн 1994: 53–56]. Нина Гаген-Торн испытывала особый интерес к различным проблемам бытия, к познанию того, что, пользуясь терминологией К.С. Станиславского, я бы назвала жизнью человеческого духа. Началось увлечение философией: она вчитывается в Канта и «спорит» с ним, с особенным вниманием изучает труды Владимира Соловьева и с азартом их конспектирует, занимается на философском семинаре Эрнеста Львовича Радлова, посвященном Владимиру Соловьеву, и, будучи единственной девушкой на семинаре, пользуется особой привилегией — провожать профессора из Публичной библиотеки, где проходили занятия, до его дома на Садовой улице.

Рис. 4. Нина Гаген-Торн, 1926 г.

Серьезные занятия философией привели Нину Гаген-Торн в известную среди петербургской интеллигенции Вольфило-философскую ассоциацию (первоначально академию) — Вольфилу, существовавшую в 1918—1923 гг. (по другим данным в 1919—1924 гг.). Основателями ее были Александр Блок, Андрей Белый, Разумник Васильевич Иванов-Разумник. Ассоциация ставила целью свободное творческое общение и обсуждение философских вопросов культуры, исследование многосторонних связей философии с жизнью. Это была культурно-просветительская организация, объединявшая тогда многих выдающихся представителей петербургской интеллигенции. Вот только несколько имен деятелей культуры и науки (кроме названных), которые принимали активное участие в работе Вольфилы — выступали с докладами, читали лекции, руководили семинарами и кружками: писатели и поэты Е.И. Замятин, Н.Н. Никитин, В.А. Пяст, Е.А. Данько, А.М. Ремизов, Е.Г. Полонская, М.М. Зощенко; художники К.С. Петров-Водкин, О.Д. Форш (тогда еще известная только как художница); режиссер В.Э. Мейерхольд; ученый-филолог Д.М. Пинес («сердце Вольфилы», по определению Нины Ивановны); выдающийся филолог-классик Ф.Ф. Зелинский; литературоведы Ю.Н. Тынянов, В.Б. Шкловский, Б.В. Томашевский, Б.М. Эйхенбаум; историки и философы П.А. Сорокин, Н.О. Лосский, И.М. Гревс, С.Ф. Платонов, Е.В. Тарле. В Вольфиле Анна Ахматова читала свои стихи, передававшие душевное состояние интеллигенции того времени:

*Все расхищено, предано, продано,
Черной смерти мелькало крыло,
Все голодной тоскою изглодано,
Отчего же нам стало светло?
Днем дыханьями веет вишневыми
Небывалый над городом лес,
Ночью блещет созвездьями новыми
Глубь прозрачных июльских небес, — <...>*

В Вольфиле Н.И. Гаген-Торн слышала поэму Блока «Двенадцать» в исполнении жены поэта Любови Дмитриевны, читали в Вольфиле и «Скифов» А. Блока [Гаген-Торн 1994: 26, 33–34]. Близкая подруга Нины Ивановны, с которой они вместе посещали Вольфилу, отмечала их особое увлечение поэмой «Двенадцать». Обе они были на хоровом исполнении поэмы в Аничковом дворце и принимали горячее участие в спорах об интерпретации образа Иисуса Христа [Хлопина 1990: 96]. Свои воспоминания о Блоке Нине Ивановне удалось опубликовать при жизни [Гаген-Торн 1972а], в отличие от многих других ее произведений мемуарного жанра, вышедших уже после ее смерти.

Среди известных и прославленных представителей петроградской культуры и науки молодая Н.И. Гаген-Торн не только не затерялась, но выделялась своей активной деятельностью. Один из лучших исследователей русского символизма, а тогда начинающий литературовед Дмитрий Евгеньевич Максимов (1904–1987), вспоминая свою первую встречу с Андреем Белым на заседании Вольфила, где обсуждался доклад Ольги Форш о романе Андрея Белого «Петербург», отметил горячее участие в диспуте Н.И. Гаген-Торн: «В прениях мне запомнилось выступление едва ли не самой молодой вольфиловки, Нины Ивановны Гаген-Торн, ставшей в будущем ученым-этнографом. Она бурно и запальчиво обвинила докладчицу в непонимании романа. Но и дерзкая атака юной Гаген-Торн, и сам доклад, и все остальное, что пришлось услышать тогда, было заслонено для меня выступлением Белого» [Максимов 1995: 474].

Надо сказать, что сама Нина Ивановна, по сути, так же характеризует свои выступления, не стесняясь употреблять не столь деликатные выражения по отношению к себе. В воспоминаниях об Андрее Белом Нина Ивановна пишет о его докладе на одном из заседаний Вольфила, после которого Ольга Форш попыталась задать вопрос, но даже не успела его сформулировать, как вышла Нина: «И я набрасываюсь на нее, как маленькая шавка на машину: шавка прыгает и лает, она живая, а машина едет и дымит бензином — она сделанная» [Гаген-Торн 1995а: 347].

Нужно упомянуть одну черту характера Нины Гаген-Торн — она не была склонна к заниженной самооценке, но совершенно была чужда самолюбования и абсолютно не придавала значения своей внешней привлекательности. Многим импонировала в ней способность к самоиронии. Жизнерадостная от природы, она любила и ценила шутки, розыгрыши, юмор, что наряду с другими душевными качествами спасало в разных обстоятельствах и помогало пережить выпавшие на ее долю невзгоды.

Кстати, с Ольгой Дмитриевной Форш Нина Ивановна сохраняла дружеские отношения всю жизнь и написала воспоминания от ней, изданные только в 2000 г. [Гаген-Торн 2000а: 34–44].

Не следует думать, однако, что в студенческую пору Нина Гаген-Торн целиком отдалась духовному совершенствованию и познанию научных истин. Страстное увлечение философией культуры совмещалось в ней с жадной познать иные стороны бытия, другой мир. Она металась между насыщенной интеллектуальной жизнью и стремлением окунуться в водоворот происходящих в стране событий. Сказывались и романтическое восприятие революционных лозунгов, и общественный

темперамент. Так, летом 1921 г. неожиданно для всех Нина бросила университет и Вольфилу и уехала на Украину, потому что ей было важно узнать, как «разворачивается в судорожной борьбе страна». Она считала необходимым окунуться в жизнь тех, кто «верил, что именно они *строят, рубят, строгают новый мир*». «Я не хотела быть интеллигентом. Я уехала на Донбасс в качестве культпросветинструктора Всероссийского союза металлистов», — вспоминает она [Гаген-Торн 1995а: 349]. На Донбассе в Юзовской шахте Нина две недели катала тачки с углем, поскольку работавшие там мужчины-шахтеры были мобилизованы, чтобы воевать с Махно. Но вскоре возвратилась в Петроград в студенческую среду, в Вольфилу.

Период, когда Н.И. Гаген-Торн принимала участие в деятельности Вольфилы, в страстных дебатах, касавшихся вопросов философии и культуры, стал важным и в определенной степени переломным в ее творческой биографии. В это время в жизнь Нины вошел Андрей Белый, ставший ее наставником, очень близким по духу человеком. Она окунулась в бурно развивавшуюся литературную среду Петрограда: посещала Дом литераторов на Бассейной улице, где слушала представителей группы «Серапионовы братья», бывала на выступлениях Маяковского, лекциях Луначарского, вечерах поэзии Ахматовой [Хлопина 1990: 96]. Однако только в творчестве Белого она нашла идеи, созвучные многому, что смутно присутствовало в ее душе, чувствам, которые до встречи с Белым она не могла отчетливо выразить. Но главное — она училась у него расширению способов познания, особому символистскому восприятию, т.е. способности видеть мир во всей многогранности его смыслов [Гаген-Торн 1994: 209, 214]. Образ Андрея Белого сопровождал Нину Ивановну всю жизнь [Гаген-Торн 1988].

К теме «Андрей Белый и Нина Ивановна Гаген-Торн» я еще вернусь. Сейчас же добавлю, что Нина Ивановна первой написала воспоминания о Вольфиле — интеллектуальном центре бывшей столицы, сумела передать атмосферу начала 20-х гг. прошлого века и ощущения современника от культурной жизни Петербурга того времени, находившейся на подъеме. Мемуары были написаны в середине 1970-х, но опубликованы только в 1990 г. и дважды переизданы в разных вариантах [Гаген-Торн 1990; 1994: 26–48; 1995б]. Уже значительно позже вышли серьезные труды, в которых собран огромный корпус архивных и документальных материалов, посвященных этому интереснейшему явлению в истории российской культуры [Белоус 1997; 2005; 2007]. Однако именно благодаря Н.И. Гаген-Торн этот краткий, но достигший большой высоты взлет человеческой мысли и духа не канул в небытие.

После метаний между разными областями интеллектуальной жизни Нина Гаген-Торн в начале 1920-х гг. определяется с выбором своей профессии — этнографа. Как же это произошло? Ей всегда было тесно в рамках какой-либо одной области знания. Свободно посещая множество лекций на разных факультетах, она решила прослушать курс введения в этнографию, который читал профессор Лев Яковлевич Штернберг. Отнюдь не обладая красноречием, он так рассказывал об этой науке, что она увидела в нем не профессора вуза, не оратора, а проповедника истины, несущего понимание законов культуры. «Так я стала этнографом. Лекции Штернберга, Богораза, потом Зеленина», — лаконично пишет Нина Ивановна об этом важнейшем в ее жизни решении [Гаген-Торн 1994: 51].

Позже она посвятила своим учителям специальные работы, написанные, как всегда, с большим литературным мастерством. И книга о Л.Я. Штернберге [Гаген-Торн 1975], и статьи о Дмитрие Константиновиче Зеленине [Гаген-Торн, Васина 1966; Гаген-Торн 1971б; 1979б] запечатлели живые образы ученых, классиков российской этнографии, и явились важной страницей в истории становления и развития этой науки. Книгу о Л.Я. Штернберге, восторженно принятую коллегами Н.И. Гаген-Торн и ставшую ныне библиографической редкостью, в свое время пришлось «пробивать» с немалыми трудностями, которые я хорошо помню. Все перипетии истории этой публикации подробно изложены в статье дочери Нины Ивановны [Гаген-Торн Г.Ю. 1999: 332–333], поэтому нет необходимости их повторять. Осмыслить и передать опыт своих выдающихся учителей Н.И. Гаген-Торн считала своим долгом. Их имена жили в ее сердце, она была верна им всю жизнь и оказалась хранителем их духовных ценностей в самом широком гуманистическом смысле слова. Ее устные воспоминания и написанные работы о них не могли не оказывать облагораживающего влияния на друзей и коллег.

Не остались без внимания соученики и друзья Н.И. Гаген-Торн, тоже воспитанники школы Л.Я. Штернберга и В.Г. Богораза, стоявшие, как и она сама, у истоков советской этнографии и посвятившие себя изучению народов Севера и Сибири. Деятельность этих ученых, внесших огромный вклад в изучение культуры, быта и языков северных народов и выполнявших к тому же благородную просветительскую миссию, Нина Ивановна осветила в статье «Ленинградская этнографическая школа в двадцатые годы (у истоков советской этнографии)» [Гаген-Торн 1971а].

Собиралась она написать и о первых советских этнографах, состоящих подвижниках науки, — книгу под названием «Тропы

этнографов»: изучала материалы, письма, разбирала дневники, разговаривала с оставшимися свидетелями и участниками экспедиций 1920–1930-х гг., готовила очерки о первом послереволюционном поколении этнографов и постигшей многих из них трагической судьбе. Кроме Георгия Николаевича и Екатерины Дмитриевны Прокофьевых, которым была посвящена подготовленная к печати статья [Гаген-Торн 1992], действующими лицами книги должны были стать Надежда Дыренкова, Сергей Стебницкий, Андрей Попов, Андрей Данилин, Юрий Крейнвич, Глафира Василевич [Гаген-Торн Г.Ю. 1999: 336–337]. Этот замысел Нина Ивановна реализовать не успела.

Жизнь этнографа складывалась у Н.И. Гаген-Торн вполне благополучно. Она стала заниматься конкретной этнографической деятельностью, причем любовь к работе в поле, к живой стихии народного быта сочетался с интересом к теоретическим проблемам этнографии. Нина Ивановна вела активные полевые исследования, одна совершала поездки по Северу: с Белого моря по Северной Двине до Котласа, а затем вверх по Каме до Чердыни, наблюдала за бытом деревни и жила жизнью их обитателей (рис. 5–7). Позже эти путешествия будут описаны в этнографической повести «С котомкой за плечами», в которой картины веселой атмосферы сборов в экспедицию, встреч с жителями северных деревень, портреты учителей (Л.Я. Штернберга и В.Г. Богораза) перемежаются с полевыми дневниками и личными лирико-эпическими сюжетами [Гаген-Торн 1994: 257–360]. Повесть содержит зарисовки, в которых самые серьезные вопросы науки подаются легко, занимательно и читаются на одном дыхании. Здесь счастливым образом соединились наука и литература. В этом отношении Нина Ивановна, может быть подсознательно, продолжила традиции одного из своих учителей, Владимира Германовича Богораза, создавшего чукотские рассказы на основе этнографических наблюдений.

В 1927–1930 гг., будучи аспиранткой Института литературы и языков Запада и Востока и сотрудником ГАИМК, Н.И. Гаген-Торн участвовала в Средневожской экспедиции к чувашам. Результаты этой экспедиции были подробно изложены в статье «Этнографические работы в Чувашской республике» [Гаген-Торн 1929]. В начале 1930-х гг. она ездила в Мордовию собирать материалы по одежде и орнаменту для Саранского научно-исследовательского института. В эти же годы Нина Ивановна преподавала географию, русский и остякский языки в Институте народов Севера, начала работать в Институте антропологии и этнографии АН СССР. С ноября 1933 г. она научный сотрудник отдела Сибири и Северной Европы и занимается составлением библиографии по осякам и вогулам.

Ее назначают секретарем редакции справочника «Народы СССР», секретарем редакции «Советская этнография», ее ценят ведущие ученые — В.Г. Богораз, Д.К. Зеленин, Е.Г. Кагаров, директор института Н.М. Маторин — и видят в ней перспективного научного работника [Решетов 1994: 359–361; Гаген-Торн 1995а: 350–351, 354; Гаген-Торн Г.Ю. 1999: 318–320].

Рис. 5. В экспедиции, 1922–1923 гг.

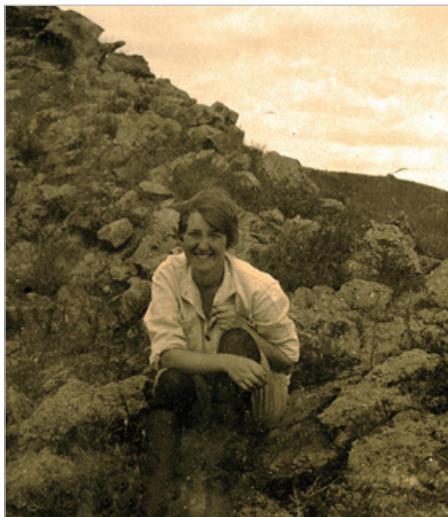

Рис. 6. В экспедиции в Забайкалье, 1927 г.

Рис. 7. В экспедиции в Забайкалье, 1927 г.

Появляются и научные публикации: статьи «Магическое значение волос и головного убора в свадебных обрядах Восточной Европы», «Обрядовые полотенца у народов Поволжья» и книга «Женская одежда народов Поволжья. Материалы к этногенезу». Две последние работы вышли значительно позже, но написаны были в 1930-е гг. по материалам полевых исследований того времени [Гаген-Торн 1933; 1960; 2000б].

Рис. 8. Н.И. Гаген-Торн с директором Лапландского заповедника Германом Михайловичем Крепсом, 1934 г.

Уже в своих первых научных работах Н.И. Гаген-Торн проявляла интерес к вопросам, которые до нее мало привлекали внимание исследователей, при этом она умела сугубо частную проблему поднять до уровня теоретически значимой и рассмотреть конкретный материал в широких сравнительно-типологических и сравнительно-исторических связях. В то время в отечественной этнографии подобного рода работы встречались нечасто. Так, в статье «Магическое значение волос и головного убора в свадебных обрядах Восточной Европы» и в книге «Женская одежда народов Поволжья» Нина Ивановна, рассматривая комплекс представлений и ритуальные действия с волосами в обширном славяно-балканском ареале, обратилась к проблеме ритуальной роли волос и головного убора в обрядах жизненного цикла. Надо сказать, что попытка понять значение ритуальных форм обращения с волосами, обобщить их и классифицировать имеет давнюю историю в мировой

этнографической науке¹. Нина Ивановна внесла свой вклад в изучение этих вопросов, имеющих поистине универсальный характер.

Хочу отметить еще один аспект в работах Н.И. Гаген-Торн по этой тематике, приобретший большое значение в свете последующих этнографических исследований: она выявила устойчивую связь *волоса с голосом, словом, пением*. Эта идея получила дальнейшее развитие в семиотических исследованиях текста, установивших соотнесенность *голоса и Волоса / Велеса* с шаманско-поэтической традицией [Байбурин 1979], — в разработке темы, которая, как будет показано ниже, весьма интересовала Нину Ивановну. Немалую роль эта парадигма сыграла и в исследованиях образа Бояна, Велесова внука, в «Слове о полку Игореве» — произведении, которое всегда было в фокусе ее внимания и исследованием которого она была поглощена последние годы жизни, испытывая радость вдохновенного труда и заражая своей увлеченностью окружающих. Период, прошедший, по выражению Г.Ю. Гаген-Торн, под знаком «Игоря», — особая страница в творческой биографии Нины Ивановны, о нем речь впереди. Что касается ранних ее работ, то современные этнографические исследования показывают, что, написанные более семидесяти лет назад, они и сейчас находятся в постоянном научном обращении, и это высшая оценка для ученого.

Несмотря на полную погруженность в этнографическую работу и некоторое ослабление связей с литературно-философской средой, у Нины Ивановны сохранялась постоянная потребность общения с Андреем Белым. Он глубоко вникал в новую область ее интересов, с большим вниманием и пониманием выслушивал рассказы, откликался на идеи, возникавшие в ходе экспедиций, подхватывал и развивал их в присущей только ему манере. Так, его очень заинтересовали рассуждения Нины Ивановны о магии цвета, роли орнамента, шаманах и др. Тема, связанная с шаманами, нашла продолжение и в более поздних работах Н.И. Гаген-Торн, в частности в ее лагерных воспоминаниях.

Рассматривая тему «Андрей Белый и Нина Ивановна Гаген-Торн», надо иметь в виду, что созвучность их идей, глубинное взаимопонимание во многом объясняются тем, что в юности одним из увлечений Андрея Белого была этнография. Он был учеником Дмитрия Николаевича Анучина (в то время крупнейшего специалиста в области этнографии, антропологии, географии) и мечтал изучать орнамент. Андрей Белый — поэт,

¹ Об этой проблеме см.: [Ревуненкова 1992: 79–87].

писатель, антропософ — оказывал могучее, почти магическое воздействие на тех, кто попадал в сферу общения с ним. Об этом писали многие его современники и ученики [Воспоминания 1995]. Нина Ивановна открыла в многогранной личности Андрея Белого черты ученого-этнографа. Незадолго до своей кончины она написала статью «Андрей Белый как этнограф», где показала, что в ряде его произведений в стихах и прозе в художественной форме зафиксированы важные и интересные для науки факты [Гаген-Торн 1991]. В личности самой Нины Ивановны также соединились ученый и поэт, и в этом смысле их натуры очень похожи. Сходство, взаимовлияние и глубокое, проникновенное понимание мыслей и взглядов друг друга проявлялось во многих аспектах их общения. И после смерти своего наставника Нина Ивановна до конца жизни вела с ним диалог, в том числе и о природе шаманского творчества, о чем подробнее будет сказано ниже.

Успешно складывавшаяся научная карьера Н.И. Гаген-Торн самым драматическим образом была прервана двумя арестами, в 1936 и 1947 гг., периоды заключения пришлись на наиболее плодотворные для исследовательской работы годы. Тем не менее оба раза Нине Ивановне удавалось вернуться к научной работе, а в промежутке, в 1946 г., даже защитив в Москве в Институте этнографии АН СССР кандидатскую диссертацию на тему «Элементы одежды народностей Поволжья как материал для этногенеза». Позже на ее основе была издана монография «Женская одежда народов Поволжья. Материалы к этногенезу» [Гаген-Торн 1960]. Защитив диссертацию, Н.И. Гаген-Торн с немалыми трудностями устроилась на работу в Фундаментальную библиотеку общественных наук¹, но вскоре была опять арестована. После освобождения и реабилитации она вернулась на работу в Ленинградскую часть Института этнографии АН СССР. В 1960 г. Нина Ивановна решила выйти на пенсию, но оторваться от науки не могла и продолжала вести активную, даже бурную научную деятельность: писала статьи, участвовала в обсуждении различных научных проблем, делала доклады на Ученом совете и разных конференциях.

Я познакомилась с Ниной Ивановной в тот период, когда она формально уже не работала в Институте этнографии (долгое время я об этом не догадывалась), однако ее присутствие и огромное влияние на текущую научную жизнь было огромно и ощущалось постоянно. С юных лет ей было присуща острая

¹ С учетом особенностей того времени следует отметить благородную позицию и помощь в возвращении Нины Ивановны на работу в академическое учреждение крупнейших ученых, в том числе академиков В.П. Волгина, Л.С. Берга, Г.М. Кржижановского, С.И. Вавилова [Гаген-Торн Г.Ю. 1999: 327].

Рис. 9. Н.И. Гаген-Торн после возвращения из ссылки, 1957 г.

потребность «живого звучащего слова, обмена мыслями из уст в уста» [Гаген-Торн 1994: 27]. Находясь в заключении, она сильнее всего страдала из-за невозможности вести диалог. «Напряжение боли создает душевную расплавленность, кристаллизующуюся в живые слова, — пишет Нина Ивановна. — Постараюсь и я дать неведомому человеческому братству пережитое со всей напряженностью. Не знаю, сумею ли: робинзоны косноязычны. Мне не с кем заострить и оттачивать мысль» [Там же: 368].

Там, где была Нина Ивановна, всегда возникали научные дискуссии, кипели страсти, там не было места равнодушным слушателям. Достаточно вспомнить заседания этнографической комиссии в Географическом обществе, где происходили не просто острые дебаты, а настоящие схватки с Л.Н. Гумилевым. Если бы в те годы Гумилев был так же канонизирован в науке, как сейчас, если бы его произведения принимали (как правило,

непрофессиональные этнографы) с теми же восторгом и восхищением, как в настоящее время, то и это не помешало бы Нине Ивановне открыто и резко критиковать ученого за искажения фактов, за «изничтожение этнографии», за его методы руководства этнографической комиссией и т.д.

В то время я не читала трудов Л.Н. Гумилева, к тому же основные его работы еще не были изданы. Однако значительно позже, познакомившись с его капитальными произведениями, я вполне разделила позицию Н.И. Гаген-Торн, поскольку не могла одобрить в трудах этого талантливой человека с трагической судьбой вольного обращения с фактами (порой и фальсификации), несправедливой критики взглядов предшественников, среди которых были выдающиеся исследователи, а также преувеличения собственных заслуг в развитии этнографии¹.

Казалось удивительным, что Нина Ивановна решила выйти на пенсию так рано, находясь в расцвете творческих сил. Сама она объясняла этот шаг тем, что ее не отпускал лагерный опыт. Она постоянно ощущала необходимость рассказать о трагических событиях в истории страны, которые стали частью и ее собственной истории, и наконец взялась за написание книги, чтобы передать все, что видела «по ту сторону жизни», и мысли, которые приходили после того, как она побывала там и вернулась [Гаген-Торн 1994: 5]. Эта работа требовала огромного психологического напряжения, которое было трудно сочетать со служебными обязанностями, и Нина Ивановна выбрала путь, на котором могла максимально реализовать свой замысел и творческие возможности.

Особый импульс в работе придал ей опубликованный в 1962 г. рассказ А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», который всколыхнул сознание всего общества. Н.И. Гаген-Торн поверила, что наступили времена, когда можно рассказать правду о прошлом. Воспоминания о лагере под названием «Второй тур» были написаны и отправлены в «Новый мир». А.Т. Твардовский отнесся к сочинению сочувственно и подчеркнул, что оно особенно интересно как описание женских лагерей. В те годы редакция журнала была завалена произведениями на лагерную тему, в которых шла речь о мужских местах заключения. Нина Ивановна знакомила сотрудников Института этнографии со своими воспоминаниями, многие прочитали их в рукописи. Между тем времена изменились, лагерная тема была, по существу, закрыта, и произведение Н.И. Гаген-Торн тогда так и не издали. Лишь спустя восемь лет после ее смерти, в 1994 г., благодаря усилиям родных — дочери

¹ Подробнее об этом см.: [Ревуненкова, Решетов 2003].

Галины Юрьевны и внучки Ольги Яковлевны Гаген-Торн — «Второй тур» и написанные ранее воспоминания о школьных и студенческих годах увидели свет под названием «Memoria». В 2010 г. вышло второе издание [Гаген-Торн 1994; 2010].

Книга «Memoria» достойна специального рассмотрения как документ и памятник целой эпохи. Ее главы — это вехи русской истории и культуры XX в., отразившиеся в истории одной жизни. Третья часть книги — «Второй тур» — посвящена пребыванию в лагере и ссылке и дает пронзительное описание мрачайшего периода нашей истории. Разделив печальную судьбу миллионов соотечественников, Нина Ивановна стала одним из первых летописцев трагедии XX в. Ее воспоминания вышли гораздо позже, чем известные произведения, посвященные лагерной теме, и вместе с тем «Второй тур» стоит в одном ряду с выдающимися литературно-историческими произведениями А.С. Солженицына, Е.С. Гинзбург, Т.В. Петкевич, А.В. Жигулина и многих других. В них переданы горе и мужество, боль и высота духа, сохранявшиеся в нечеловеческих условиях.

Книга Н.И. Гаген-Торн перерастает традиционные рамки мемуарного жанра и содержит то, что не встречается у других авторов. И во время пребывания в лагерях и ссылках, и после возвращения Нина Ивановна оставалась ученым и поэтом. В ее воспоминаниях явственно ощущается взгляд этнографа на описываемые события, а некоторые главы буквально целиком могут служить этнографическим источником. Как это ни противоестественно, лагерь стал ее исследовательским полем. Острым взглядом ученого она зафиксировала топографию тюрем и пересыльных пунктов, представила множество судеб людей, с которыми пришлось соприкоснуться, описала поведение, особую этику и элементы речевого этикета заключенных, отметила, как протекает праздничная и обыденная жизнь в экстремальных ситуациях у представителей разных национальностей и разного вероисповедания [Гаген-Торн 1994: 205–212, 246–250]. Методика изучения одежды, которая была освоена ею во время экспедиций к народам Поволжья, помогла поднять новую для этнографии тему в главе «Об одежде заключенных». Именно этнографический подход и опыт полевой работы помогал ей во многих случаях понять сущность происходящего, выстоять самой и поддерживать духовные силы тех, кто был рядом.

Не могу не отметить в связи с этим разное поведение в одной и той же ситуации именно ученых-этнографов. В книге Нины Ивановны очень кратко говорится о том, что вслед за ней была арестована сослуживица по Институту этнографии Юлия

Николаевна¹. В тюрьме у нее родился сын, которого через два месяца отобрали и отправили в Дом младенца [Гаген-Торн 1994: 228]. Больше в книге не сказано ничего, но Н.И. Гаген-Торн рассказывала мне об этой ситуации более подробно. Какое-то время она была в лагере вместе с Юлией Павловной Аверкиевой, и та была в крайне подавленном состоянии. Нина Ивановна, у которой остались без родителей две дочери, понимала ее, быть может, лучше других и, пытаясь сама выстоять с помощью науки, старалась поддержать коллегу и направить ее по этому пути. Но ко всем разговорам об этнографии и попыткам вести совместные этнографические наблюдения Юлия Павловна была безучастна: считала, что все кончено и никогда к прежней жизни они не вернуться.

Каков же эпилог этой истории? Как хорошо известно многим сотрудникам Института этнографии АН СССР в Москве и Ленинграде, Ю.П. Аверкиева вернулась в этнографию, сделала очень успешную административно-научную карьеру, стала главным редактором «Советской этнографии» и во всем действовала в русле господствовавшей идеологии. А Н.И. Гаген-Торн осталась той же вольнолюбивой натурой и сохранила достоинство свободно мыслящего человека, способного при любых обстоятельствах на бесстрашные гражданские поступки. Не по своей воле повторила она судьбу своих учителей, и в гораздо более страшной форме. В.Г. Богоразу и Л.Я. Штернбергу стать этнографами «помогла» политическая ссылка, для Нины Ивановны этнография стала спасительным средством, которое дало ей силы выжить в сталинских лагерях.

Другим таким спасительным средством оказалась поэзия. Заключенные были лишены права писать и читать книги. Единственной возможностью рассказать о пережитом были стихи, которые передавались изустно. «Стих становится необходимостью, чтобы выжить», — писала Нина Ивановна [Гаген-Торн 1994: 243]. В воспоминаниях немало места уделено роли поэзии, и шире — искусства, в поддержании нравственных и даже физических сил людей «по ту сторону жизни». Нина Ивановна читала вслух стихи Пушкина, Некрасова, Тютчева, Блока, Мандельштама, Гумилева. Во время работ на водокачке под ритм стихов она занималась просвещением: давала уроки истории, читая наизусть «Русскую историю от Гостомысла» Алексея Толстого, «Слово о полку Игореве» [Там же: 108, 199–200].

¹ В книге Н.И. Гаген-Торн так названа Юлия Павловна Аверкиева.

В лагере Н.И. Гаген-Торн познакомилась с Ольгой Всеволодовой Ивинской и рассказала о своих встречах с Пастернаком¹. Замечательно ее описание литературно-гастрономического пира, устроенного О.В. Ивинской в лагерном бараке: «Мы, человек пять, сидели, поджав ноги, на нарах, пили чай, слушали стихи — она знала очень много стихов Бориса Леонидовича... Я повела ее в полустационар к Татьяне Михайловне и Нине Дмитриевне — *угостить их стихами...* [выделено мною. — *Е.Р.*]. Вечерами, сидя в темноте на нарах, мы много говорили о судьбах литературы, о поэзии, читали друг другу и свои стихи» [Гаген-Торн 1994: 229–230]. Вся камера плакала под ее чтение «Русских женщин» Н. Некрасова. На Колыме она прочитала сочиненные ею стихи дистрофикам, направленным в больницу с лесоповала:

*Что же, значит — истощенье?
 Что же, значит — изнемог?
 Страшно каждое движенье
 Изболевших рук и ног.
 Страшен голод... Бред о хлебе...
 «Хлеба, хлеба» — сердца стук.
 Далеко в прозрачном небе
 Равнодушный солнца круг.
 Тонким свистом клуб дыханья...
 Это — минус пятьдесят.
 Что же? Значит — умиранье?
 Горы смотрят и молчат.*

Совершенно изможденным и обессиленным людям стало легче: они смогли заплакать [Там же: 244].

Нина Ивановна была не просто этнографом, пишущим стихи, в ней гармонично сочетались ученый и поэт, наука и искусство. И это надо учитывать, читая ее труды. Стихи она писала с раннего возраста и всю жизнь. Ее поэтическое дарование было отмечено Анной Ахматовой, Борисом Пастернаком. Сохранился одобрительный отзыв Пастернака на ее поэму «Ломоносов» [Гаген-Торн Г.Ю. 1999: 329]. Стихотворение Нины Ивановны включил в свою монументальную антологию русской поэзии XX в. Евгений Евтушенко:

*Горькой ягоды рябины
 Круто кисти созревают.
 Чья-то кровь падет безвинно?
 Что судьба уготовляет?*

¹ Борис Пастернак был, по-видимому, одним из самых любимых поэтов Нины Ивановны. Во всяком случае, на стене ее рабочего кабинета в большом загородном доме висел и до сих пор висит портрет только одного поэта — Бориса Пастернака.

*Ходит благостная осень.
В желтых листьях солнца много.
Страхом наши души косит
Непонятная тревога.
Не углом летели гуси —
Лавой, серые, летели,
Смерть, как яблоко, раскусит
Мир, что мы недоглядели.*
[Строфы века 1997: 353]

Ранние поэтические произведения Нины Ивановны пропали в период ее ареста и заключения. Во время обыска при втором аресте были изъяты ее воспоминания о колымском периоде жизни, но уцелели стихи из «Колымского дневника» 1937–1942 г. благодаря тому, что, пока шел обыск, Нина Ивановна сидела на тетрадке со стихами. Колымские стихи были напечатаны, как и главные плоды ее творчества, уже после ее смерти [Гаген-Торн 1994: 80–91, 103]. В 1992 г. вышел небольшой сборник стихов «Отраженья» в малой серии «Поэты — узники ГУЛАГа».

Нина Ивановна не дожидаясь выхода многих поэтических сборников, авторы которых стали жертвами репрессий, но ее стихи на лагерную тему занимают достойное место среди произведений таких поэтов, как Николай Клюев, Николай Олейников, Осип Мандельштам, Николай Заболоцкий, Виктор Бокков, Борис Чичибабин, Николай Домовитов, Ольга Берггольц, Юрий Домбровский, Юлий Даниэль и многих других, читать которые невозможно без содроганья и восхищения [Зона 1990; Даниэль 2009].

Не дожидаясь Н.И. Гаген-Торн и до международной конференции «Фольклор ГУЛАГа», проходившей 20–22 ноября 1992 г. в Петербурге под руководством В.С. Бахтина и Б.Н. Путилова, и до выхода сборника по материалам конференции, который показывает, как человек системой своего поведения противостоит античеловеческой системе власти [Фольклор 1994]. Можно только представить себе, с каким энтузиазмом приняла бы участие в этих мероприятиях Нина Ивановна. Ведь она еще раньше обращала внимание на существование богатого лагерного фольклора и наличие в нем разных пластов — от наследия царских тюрем до современных [Гаген-Торн 1994: 230, 243–246]. Есть у нее и неопубликованная статья о колымском фольклоре. Некоторые поэтические произведения Нины Ивановны сами стали лагерным фольклором, например стихотворение «Колыма», написанное в 1940 г. [Гаген-Торн Г.Ю. 1999: 323]. Ее мысли о роли слова, стиха, песни, высказанные в воспоминаниях, перекликаются с тем, о чем говорили

фольклористы и литературоведы, изучавшие словесную традицию и жизнь слова в ГУЛАГе.

Как поэт Нина Ивановна отдавалась ритму, как ученый она анализировала силу и ритм живого поэтического слова, питающего душу и гармонизирующего сознание. Овладение ритмом в слове или в музыке она считала выходом из безмерного напряжения. Философские размышления о роли ритма заканчиваются очень важным замечанием: «Недаром знали шаманы, что ритм дает власть над духами: овладевший ритмом в магическом танце — становится шаманом» [Гаген-Торн 1994: 109].

Здесь необходимо вспомнить о влиянии Андрея Белого на мироощущение Нины Ивановны. В данном случае она явно продолжает и развивает его мысли. Будучи погружена в этнографическую работу, она приходила к Андрею Белому, чтобы обсудить возникавшие в ходе полевых наблюдений вопросы и проблемы, в частности рассказать ему о шаманах и о «смутно найденном в этнографии восприятии мира, где человек взлетел над видимым глазами в невидимое» [Гаген-Торн 1995а: 352]. Андрей Белый услышал в ее рассказах близкие ему идеи и так отреагировал: «Ведь это извечные странствия души в иные миры... Шаманы их знали, оказывается!» [Там же: 353–354]. При этом он серьезно изучал суггестивную роль ритма и созидательную, творческую способность слова, опираясь на научные труды А.А. Потебни, А.Н. Афанасьева, А.Н. Веселовского и др. Результатом исследования явились статьи в книге «Символизм» [Белый 1910: 429–448]¹, которые по настоящему были оценены позже и позволили по-новому осветить некоторые явления, связанные с шаманизмом.

Надо учитывать, что разговоры Нины Ивановны и Андрея Белого на эту тему происходили в начале 1930-х гг., когда развернулась безжалостная борьба с шаманами и шаманизмом. Только независимый ум и честное служение истине в науке позволили Н.И. Гаген-Торн высказать свои еще не вполне отлитые в четкую форму мысли об особенностях личности шамана. Эта проблема продолжала интересовать ее и тогда, когда она находилась в лагерях, и в дальнейшем. Уже в 1970-е гг., изучая полевые дневники исследователей селькупов Георгия Николаевича и Екатерины Дмитриевны Прокофьевых и готовя их к публикации, Нина Ивановна в своем дневнике отмечает, что Г.Н. Прокофьев слишком увлекался грамматикой селькупского языка, «а наблюдать

¹ 25–27 ноября 2010 г. на филологическом факультете Санкт-Петербургского университета состоялась международная конференция: «Отечественное стиховедение: 100-летние итоги и перспективы развития», которая была приурочена к столетию выхода книги А. Белого «Символизм», положившей начало новой стиховедческой парадигме [Отечественное стиховедение 2010].

и схватывать живые явления шаманства не умел. А психология шаманского творчества важнейшее, что следовало изучать». Она противопоставляет записи Г.Н. Прокофьева наблюдениям его жены Екатерины Дмитриевны за шаманами и шаманским ритуалом [Гаген-Торн 1992: 92, 101–102].

Природа шаманского творчества была близка дару самой Нины Ивановны: по ее собственным словам, она способна была испытывать моменты озарения, наития, мыслить яркими картинами и образами, т.е. обладала художественным мышлением. Много лет изучая проблемы шаманизма в разных аспектах и у разных народов, могу сказать, что Нина Ивановна, благодаря своему опыту многогранного восприятия мира, поэтическому опыту и этнографическим наблюдениям, нащупала очень важный аспект шаманизма, который в настоящее время стал чуть ли не общим местом и подтверждается на материале многих народов, а именно: слияние и преемственность между шаманом, поэтом, певцом-сказителем¹.

В 1953 г. Нина Ивановна оказалась в ссылке на Енисее. Кое-как наладив быт, она и здесь сразу включилась в полевую работу этнографа: изучала жизненный уклад и живую речь сибирских старожилов, вела дневники. После реабилитации и возвращения в Ленинград, уже работая в Ленинградской части Института этнографии АН СССР, она продолжила занятия культурой русского населения Сибири и в 1958 г. ездила в Ангарскую экспедицию вместе с Людмилой Михайловной Сабуровой — будущим директором Ленинградской части Института. Дружеские отношения с исследовательницей русских Сибири у Нины Ивановны сохранялись до конца ее жизни, хотя трудно представить себе более разных по характеру и мировоззрению людей.

Что испытывает человек, пройдя жесточайшие муки и переживания, Н.И. Гаген-Торн выразила в стихотворении «Возвращение». Оно было написано в 1943 г. после освобождения из колымских лагерей, однако это состояние вневременное:

*Как странно тем, кто видел Смерть,
Вернуться в жизнь опять.
Вложить персты в земную твердь
И вкус и запах ощущать:
Тяжелых бревен слышать вес,
На стеклах — легкий пар,
В снегу от окон светлый крест,
И тюль, и самовар,*

¹ Подробно об этой теме см.: [Ревуненкова 1992: 87–104].

*И кем-то мытый лак полов,
И чей-то отчий дом.
А ты пришел из страшных снов,
С котомкой за плечом.
Был сдвинут смысл привычных дел,
Шел бой. И в пустоте
Ты даже думать не умел
О том, как жили те,
Кто оставался за чертой,
В спокойной Лете лет.
Как странно тем прийти домой,
Кто видел смерти свет!*
[Гаген-Торн 1994: 91]

Здесь затронута очень важная для понимания личности и творчества Нины Ивановны тема дома. Как говорилось выше, большую часть времени в молодые годы она жила в большом загородном доме, построенном ее отцом в Большой Ижоре (см. рис. 3). Чувство собственного пристанища, дома, где можно жить и, главное, работать, особенно обострилось после заключения. В ссылке она приспособила для жилья пустой полуразрушенный дом, оставшийся после раскулаченных хозяев, и была счастлива: «Появился свой дом и оседлость... Можно сесть и читать и писать» [Там же: 372]. Мечта о родном доме жила в ней постоянно:

*Каждому дан Дом
И каждому путь дан.
Думай о том,
Чтобы идти по своим следам.
Не спутай свои следы
С отпечатком своих ног.
К Дому вернешься ты
В положенный срок.
В окнах зажжется свет,
Волны омоют снег,
Склонятся сосны в ответ:
Путь завершил человек.
Только б к нему дойти,
Только б не сбиться с пути,
Детям оставить след
В растущем тумане лет!
Неведом нам Отчий Дом,
Не знаем, куда идем...
Гулок сырой туман
И ноги горят от ран.*
[Гаген-Торн 2000а: 10]

В Ленинграде выяснилось, что жить ей негде: принадлежавший ее семье огромный дом оказался набит жильцами. Некуда было привезти мать, которая после ссылки жила в страшной тесноте в семье дочери — Галины Юрьевны Гаген-Торн. Однако благодаря своей неукротимой энергии Нина Ивановна смогла вернуть родовое гнездо, перевезти мать и прожить здесь до последних дней. Она очень любила свой вновь обретенный дом и посвятила ему цикл стихов, который так и называется «Дом» (это слово она всегда писала с большой буквы) [Гаген-Торн 2000а: 7–33].

*Дом мой светлый и веселый
Посреди высоких сосен.
В этом доме мыслей пчелы
Мед стихов ко мне приносят.
Там весной цветут сирени,
Летом пахнет земляникой,
Осень всходит на ступени
В журавлиных звонких кликах.
Если ж станет Лоухи злая,
Прогневясь, трясоти перины —
Сосны дом мой заслоняют,
Дом высокий и старинный.*
[Гаген-Торн 2000а: 14]

В ее заботе о благоустройстве дома проявлялось отношение к нему как к живому существу, она уподобляла его человеку. Как-то летом Нина Ивановна немало сил и времени потратила на ремонт крыльца. На мой вопрос, не слишком ли много внимания она уделяет этому хозяйственному делу, она с возмущением воскликнула: «Что Вы, крыльцо — это же лицо дома!»

Дом был открыт для всех, очень многие сотрудники МАЭ хотя бы раз его посетили. Некоторые были частыми, а иногда и постоянными гостями, среди них Татьяна Владимировна Станюкович с дочерью Машей (ныне Мария Владимировна Станюкович — известный специалист по этнографии и филологии Филиппин). Мария Владимировна до сих пор поддерживает дружеские связи с дочерью и внучкой Нины Ивановны и каждое лето непременно посещает дом, где в подростковом и юношеском возрасте они проводили время в веселой и интересной компании. В доме была особая атмосфера, созданная его хозяйкой. Часто, особенно под Новый год, устраивали праздники, игры, здесь витал дух театральности, розыгрышей, маскарада, ощущались тепло и уют — словом, то, что входит в представление о счастливом детстве. Нина Ивановна очень любила молодежь, и молодежных компаний было много: ее внуки, дети сотрудников и друзей, которые становились студентами

и приводили в этот дом своих приятелей. Нина Ивановна всех охотно приглашала, становилась центром притяжения в любой молодежной компании и сама веселилась от души. В эти моменты в ней пробуждался все тот же норовистый горячий жеребенок (точно так она определяла свой подчас необузданный темперамент), как в детстве, в гимназические годы, когда устраивались рыцарские турниры и другие игры, в которых она всегда верховодила [Гаген-Торн 1994: 8–13]. Но не только веселая жизнь в красивом, с хорошо налаженным бытом доме притягивала людей. Главное, что привлекало, — в нем были живы традиции особого культурного общения, восходившего к эпохе первых десятилетий XX в., которую Д.С. Лихачев называл «блистательным прошлым» [Лихачев 2006: 165]. В 1970-е гг. я со своей семьей каждое лето проводила в этом доме и поделюсь своими впечатлениями от общения с его обитателями.

Здесь постоянно велись беседы и споры на самые различные темы, касавшиеся общественной, научной и культурной жизни. Как я уже отмечала, Нина Ивановна любила посвящать окружающих в темы, которыми она занималась. Все это горячо обсуждалось. Н.И. Гаген-Торн часто обращалась к воспоминаниям детства и молодости, дружбе с семьей Виталия Бианки, жившей по соседству — в Лебяжьем, участию в Вольфиле, встречам с А. Блоком, А. Белым, Р.В. Ивановым-Разумником, О.Д. Форш, философами, литературоведами, ее учителями в этнографии.

Нередко разговоры выходили на лагерную тему. В результате очень многое из того, что было описано в работах Нины Ивановны, вышедших в свет после ее кончины, мы, близкие люди, уже знали.

В ее доме частыми гостями были оставшиеся в живых друзья молодости, в частности члены антропософского кружка¹ — ученики А. Белого, литературоведы, историки литературы. Летом здесь жила специалист по творчеству Л.Н. Толстого из Пушкинского Дома Елизавета Николаевна Купреянова. Нередко приезжали ученица А. Белого и последовательница антропософии Елена Юльевна Фехнер, известный критик, литературовед и переводчик Тамара Юрьевна Хмельницкая — автор многих публикаций об Андрее Белом, за которые в 1987 г. она была награждена золотой медалью Шведской Академии наук [Эта пристань 2012: 431–440, 596], и др. Нина Ивановна

¹ Сама Нина Ивановна так и не стала антропософкой, но такое желание у нее было. По ее словам, Андрей Белый считал, что ей рано всерьез заниматься антропософией. Об этом написано и в ее воспоминаниях об Андрее Белом [Гаген-Торн 1995а: 349]. Однако я видела у нее тетрадку с спектром лекций Рудольфа Штайнера.

навсегда сохранила верность лагерным друзьям, поддерживала горькое лагерное содружество. После возвращения она, чем могла, помогала тем, кто остался в лагерях. Многие из них — люди самых разных профессий — бывали у нее постоянно, некоторые подолгу жили в ее доме.

Каждое лето проводила здесь двоюродная сестра Н.И. Гаген-Торн — Елена Викторовна Страхович (Лиля, как ее называла Нина Ивановна), сначала с мужем Константином Ивановичем Страховичем, а после его смерти одна. К.И. Страхович был выдающимся ученым очень широкого диапазона, профессором Технологического и Политехнического институтов, Ленинградского университета. Его высоко ценили многие ученые, в том числе один из пионеров ракетной техники академик В.П. Глушко. К.И. Страховича тоже не обошла репрессивная машина. В начале Великой Отечественной войны он был арестован, приговорен к смерти, долго сидел в камере смертников, но добился разрешения заниматься наукой, разрабатывал военные заказы для Ленинградского фронта. Отсидев десять лет в лагерях, был сослан в Караганду. Одно время он находился в заключении вместе с А.И. Солженицыным, который рассказал о его судьбе и стойком сопротивлении в эпопее «Архипелаг ГУЛАГ» [Солженицын 1989: 428–433].

Елена Викторовна Страхович была человеком совершенно иного склада и интересов, чем Нина Ивановна. Общаясь с ней в повседневной жизни, трудно было представить ее героическое поведение во время заключения мужа. А оно было именно таковым. Как декабристка, Елена Викторовна с маленьким сыном следовала за своим мужем по всем местам его заключения и устраивалась вблизи лагерей на самые тяжелые работы. Она, боявшаяся на даче включить электрический прибор, работала в самых глухих медвежьих углах монтером высоковольтной сети! «Заберусь на столб, а слезть не могу», — рассказывала она позже уже со смехом.

Постоянной гостьей дома была Софья Николаевна Могиланская — дочь известного этнографа и сама этнограф, тоже много лет проведенная в лагерях и ссылке. (Я назвала только тех, с кем была знакома или близко общалась не один год.)

Среди друзей-лагерников была и Елена Михайловна Тагер — известный писатель, поэт и переводчик, пережившая четыре ареста. С ней Нина Ивановна познакомилась еще до своего первого ареста, во время этнографической экспедиции в Архангельскую область, где Е.М. Тагер тогда отбывала ссылку. В 1964 г. на похоронах этой «талантливой и благородной страдальницы» (К. Чуковский) Нина Ивановна прочитала два ее стихотворения [Шапорина 2011: 402].

Непременным элементом общения в доме Нины Ивановны было чтение стихов. Поэтическую атмосферу дома создавала не только она сама, но и присутствие двух других постоянных его обитателей — владельцев небольшой части дома Моисея Семеновича Альтмана и его жены Любови Григорьевны Морейно. М.С. Альтман — известный филолог-классик, поэт, литературовед. Начинал он как поэт. Первый сборник его стихов «Хрустальный кладезь» вышел в 1920 г. в Баку. Сборник был посвящен Д.С. Мережковскому, но вошедшие в него стихи были написаны под столь сильным влиянием К.Д. Бальмонта, что автора называли Бальтманом. Он учился на классическом отделении историко-филологического факультета Азербайджанского государственного университета в Баку в 1920–1923 гг. и был учеником Вячеслава Иванова. Учителя и ученика связывала, однако, не только классическая филология, но и философия и поэзия. В 1921 г. они почти каждую ночь беседовали и обменивались сонетами. Этот сонетный диалог в настоящее время оценен как диалог «двух мощных начал мировой культуры, носителями которых были собеседники» [Лаппо-Данилевский 1995: 5]. Разговоры Моисея Альтмана с Вячеславом Ивановым, их стихотворные послания и дневники Альтмана 20-х гг. прошлого века были опубликованы только через девять лет после его смерти [Альтман 1995] и «стали одним из последних, закатных памятников русского Серебряного века, эпохи культурного расцвета, сменившейся унылой тоталитарной эрой» [Там же: 5].

В 1970-е гг., когда мы собирались у Нины Ивановны, об этом можно было услышать только в устном, очень артистичном исполнении Моисея Семеновича в виде отдельных формально законченных сюжетов. Количество слушателей ему было совершенно неважно, чаще всего их было двое, мы с мужем, а нередко только я. Но в Ленинграде он выступал со своими воспоминаниями и перед большой аудиторией: в Доме ученых, Музее Достоевского и других учреждениях. М.С. Альтман очень охотно рассказывал о своей жизни в Баку, ночных беседах с Вячеславом Ивановым, а также о встречах с другими поэтами того времени: Велимиром Хлебниковым, Алексеем Крученых, Максимилианом Волошиным, Валерием Брюсовым и другими, которым он посвящал стихи.

В годы нашего тесного общения Моисей Семенович уже не занимался классической филологией, а полностью посвятил себя поэзии и литературоведению — исследованию творчества Толстого и Достоевского, издал книги «Читая Толстого» и «Достоевский. По вехам имен». Оба они — Нина Ивановна и Моисей Семенович — воплощали культуру 1920-х гг. в разных и очень многообразных ее проявлениях. Они принадлежали

одному культурному кругу, и у них было полное взаимопонимание в оценке исторических событий, свидетелями и участниками которых они были (в 1942–1944 гг. Альтман тоже находился в сталинских лагерях).

Это были глубинно-дружеские связи, но отнюдь не идиллические отношения. Их литературные вкусы и пристрастия, а также взгляды на направление и стиль научного творчества были совершенно различны. Нина Ивановна, склонная не только к детальному описанию материала, но и к широким обобщениям, посмеивалась над литературоведческими трудами М.С. Альтмана о Толстом и Достоевском, считая их неглубокими, «игрой в бирюльки». Я же осмеливалась с ней не соглашаться, так как считала и продолжаю считать, что он делал филигранную работу, не обращая особого внимания на отражение социальных или общественных проблем в произведениях классиков, а скрупулезно исследуя тексты и внетекстовые связи, которые явились толчком к созданию того или иного образа или сюжета произведений. По существу, он раскрывал определенный аспект психологии творчества, что в те годы было довольно редким явлением.

Не всегда отношения двух ученых-поэтов были благодущны. Оба обладали взрывным характером, склонностью бурно выражать свои эмоции, когда дело касалось поэтических кумиров. Накал страстей в их литературных поединках иногда достигал очень высокого градуса. Однако все горячие споры и несогласия кончались мирным чаепитием и продолжением работы: каждый занимался своим, а мы, находившиеся рядом, жадно слушали того и другого, их рассказы, стихи, воспоминания о событиях, перенесенных испытаниях — то, что стало всеобщим достоянием только после их смерти.

Таким образом, жизнь и судьба хозяев дома были во многом схожи: сильно искорежены в советскую эпоху, но не сломаны. Они стали воплощением, с одной стороны, страшного периода нашей истории, связанного с жесточайшими репрессиями, а с другой — культурных традиций, которые оказались прочнее советской системы. Сейчас, вспоминая духовную жизнь дома Н.И. Гаген-Торн и прочитав немало ставших доступными воспоминаний выдающихся представителей русской литературы, я понимаю, что дом в Большой Ижоре, несмотря на произошедший в стране грандиозный перелом, сохранял культурный континуум прошлого, который был воплощен в людях, подобных Нине Ивановне, Моисею Семеновичу, его жене Любови Григорьевне и многим из их постоянных гостей.

Этот дом был островом, где еще можно было видеть отблеск культуры эпохи 1920-х гг., когда на фоне голода и холода

доживала последние дни свобода научной, литературной, театральной, художественной жизни с ее диспутами, докладами, вечерами поэзии и прозы. Мне кажется, что этот дом при жизни Нины Ивановны был репликой, а может быть, обломком «Сумасшедшего корабля», обитателями которого были многие учителя и друзья Нины Ивановны и который символизировал небывалый культурный подъем на фоне трагической красоты города [Форш 2011]. Те годы рождали ностальгические воспоминания у многих представителей русской культуры и литературы, как оставшихся на родине, так и оказавшихся за рубежом (Корней Чуковский, Осип Мандельштам, Георгий Адамович, Евгений Замятин, Георгий Иванов, Ирина Одоевцева, Владислав Ходасевич, Нина Берберова, Виктор Шкловский, Ольга Форш, Дмитрий Лихачев и др.). Благодаря Нине Ивановне все, кто соприкасался с ней, могли приобщиться к той культуре, подышать ее воздухом и кое-что впитать в себя. Это были люди самых разных возрастов и профессий: и ровесники, и молодые коллеги, и дети.

Рис. 10. Н.И. Гаген-Торн с грачом Карлычем. Большая Ижора, 1960-е гг.

Мысленно продолжая вести диалог с Ниной Ивановной, я думаю, что она согласилась бы со мною в том, что ее дом может служить прекрасной моделью для этнографического и историко-культурного изучения жилища. Ценности и символы прежнего времени продолжали там свое существование в новую эпоху. В традиционных обществах жилище — один из ключевых символов и играет исключительно важную роль в системе восприятия мира. Это феномен культуры, в котором соединились материальное и духовное при преобладании второго, что прекрасно показано в книге А.К. Байбурина [Байбурин 1983: 4, 7, 11 и др.]. Все, что сказано выше о доме Нины Ивановны Гаген-Торн в Большой Ижоре, показывает, что и в современных условиях, несмотря на все исторические катаклизмы и культурные трансформации, жилище продолжает быть центром мироздания. Его образ подобен человеку, в нем сохраняются и передаются из поколения в поколение традиции семьи и эпохи. Сейчас на доме имеется мемориальная доска. В сущности, это дань памяти не только Нине Ивановне, но и ее отцу, который лечил бесплатно жителей Большой Ижоры. Эта информация, исходящая от старожилов, известна и новому поколению. В доме живут потомки Нины Ивановны, главным образом дочь Галина Юрьевна и внучка Ольга Яковлевна Гаген-Торн. В библиотеке Большой Ижоры устраиваются Гаген-Торновские чтения.

Горький жизненный опыт Нины Ивановны, знакомство со многими людьми в экстремальных условиях дали ей основание особенно высоко ценить женские силу и стойкость духа. «Женщин, которые после лагерей остались такими же, как и до ареста, я знаю. Мужчин — ни одного. Что вы думаете? Слабый пол», — добавляла она с улыбкой. «Что такое семья?» — спрашивала Нина Ивановна. И сама же отвечала: «Семья — это прежде всего мать и дети. А отец — так, непостоянный член семьи». За этой печальной шуткой стояли многие жизненные наблюдения и нелегкая судьба. В многочисленной семье Н.И. Гаген-Торн традиции тоже сохраняются усилиями женской ее части. Именно дочь и внучка, гордо носящие фамилию Гаген-Торн (потомки мужского пола носят фамилии своих отцов), издали мемуары Нины Ивановны и цикл ее стихов, многие очень важные для науки статьи, бережно хранят ее литературное наследие и дом, в котором все остается так, как было при жизни его хозяйки.

Культура, знания, кругозор Нины Ивановны были намного выше, чем у окружающих людей, прежде всего, конечно, молодежи, однако в ней не было никакого менторства. Будучи по существу учителем для многих, она сама в полной мере сохраняла страсть к ученичеству, с большим интересом выслушивала

идеи младших коллег и всегда охотно вступала с ними в диалог. Живость, интерес к новым научным веяниям не угасали с возрастом. Очень легкая на подъем, она часто ездила в самые разные учреждения послушать заинтересовавший ее доклад или посетить какое-то мероприятие. В этом отношении Нина Ивановна была гораздо моложе младших коллег и заряжала их своей жизненной энергией.

Так, учитывая современные направления в развитии науки, с огромным душевным подъемом занялась она исследованием «Слова о полку Игореве» и отдала ему по крайней мере последние пятнадцать лет жизни. Это было одно из тех произведений, с которым она не расставалась никогда, но на каждом этапе ее жизненного пути «Слово» представлялось ей разными гранями и выступало в разных функциях. Нина Ивановна увлеклась «Словом» еще в гимназии. В числе других произведений русской литературы оно помогло ей выдержать годы в лагерях. Оказавшись после первого ареста в 1942 г. в селе Чаша Курганской области, она преподавала географию и литературу в молочном техникуме и большое внимание уделяла «Слову о полку Игореве» [Гаген-Торн Г.Ю. 1999: 334]. Тогда Нина Ивановна испытывала восхищение «Словом» как великим художественным произведением, прежде всего поэтическим. Но в последние годы жизни его эстетическое и поэтическое восприятие соединилось с научным подходом. Н.И. Гаген-Торн так много и увлеченно работала над исследованием памятника и так страстно обсуждала свою работу с окружающими, что помощница по дому, хорошо поддерживавшая порядок в хозяйстве, но бесконечно далекая от высоких материй и идей, которыми дом был наполнен, как-то не выдержала и воскликнула: «Ох и надоело же мне это “Слово о полку Игореве”!»

Работа над этим произведением доставляла Нине Ивановне и огромную радость творческого труда, и большие огорчения. Это действительно печальная история не только личной биографии Н.И. Гаген-Торн, но и тех взаимоотношений, которые складываются подчас между крупными личностями в науке.

Как уже отмечалось выше, в науке, как и в других областях своей кипучей деятельности, Н.И. Гаген-Торн всегда шла непроторенными путями, представляла свежие, неизвестные до нее материалы, а известные часто получали в ее работах совершенно новую интерпретацию. Так, вопреки общепринятым установкам она подошла к «Слову» не только как ученый, но и как поэт (и всячески подчеркивала это), хорошо ощущая природу поэтического дара, вдохновения. Она утверждала, что в таком подходе следует за А.С. Пушкиным. И действительно, можно обнаружить явное сходство структур статей Н.И. Гаген-Торн

об отдельных сюжетах и героях «Слова» с пушкинскими комментариями к переводам памятника, где выявляются различные смысловые оттенки, используются данные других славянских языков [Пушкин 1962].

Н.И. Гаген-Торн сочетает научно-этнографический и поэтический подходы к тексту и по-новому интерпретирует некоторые фрагменты памятника, отвергает многие устоявшиеся взгляды, по-иному определяет жанр поэмы, старается прояснить так называемые темные места произведения, учитывая как лингвистические данные (русского языка и диалектов), так и данные этнографии.

В статьях, которые были опубликованы в российских и зарубежных изданиях, она высказала мнение о двух героях и двух певцах поэмы, о русской и болгарской песенной традиции [Гаген-Торн 1963; 1970; 1972б; 1972в; 1974; 1976; 1979а]. В ее исследовании, прежде всего в толковании «темных мест» этого произведения, соединились незаурядное поэтическое чутье, глубокие этнографические знания и владение современными методами изучения фольклора. Она вела активную переписку с Ю.М. Лотманом¹ и В.Н. Топоровым. Последний благосклонно отнесся к ее открытиям и написал, что почел бы за честь быть редактором ее научно-популярной книги о «Слове» [Гаген-Торн Г.Ю. 1999: 335].

Лишь одного ученого выводы Н.И. Гаген-Торн не убеждали — Дмитрия Сергеевича Лихачева². С ним она также вела переписку и, будучи человеком открытым, искренним и иногда весьма прямолинейным в своих суждениях, могла позволить себе резкие выражения. Об этом можно судить по ответному письму Д.С. Лихачева, которое она мне однажды прочитала. Ответ академика по поводу ее печатных работ и будущего издания книги о «Слове» в научно-популярной серии был очень корректным, но определенно отрицательным. Нину Ивановну он и огорчил, и возмутил, но природная жизнерадостность и умение видеть мир многоликим позволили ей шире взглянуть на ситуацию и обнаружить ее положительную сторону. С видимым удовольствием и решительностью она заявила, что их нелицеприятная переписка станет фактом литературной жизни эпохи. Думаю, что в этом смысле изучение архива Нины Ивановны даст много свидетельств, важных для истории науки и культуры 70-х гг. прошлого века.

¹ В настоящее время в Тарту готовится к изданию переписка Ю.М. Лотмана и З.Г. Минц с Н.И. Гаген-Торн, из которой будет видно, какие именно проблемы обсуждались учеными.

² Критически воспринимали взгляды Н.И. Гаген-Торн и такие выдающиеся фольклористы, как Б.Н. Путилов и К.В. Чистов, но они не противодействовали изданию ее работ.

То, что серьезные разногласия, помешавшие выйти в свет исследованию Н.И. Гаген-Торн о «Слове о полку Игореве», возникли именно с Д.С. Лихачевым, особенно обидно потому, что в судьбе и взглядах обоих выдающихся исследователей больше общего, чем различий. Они принадлежали одному поколению и представляли особый класс петербургской интеллигенции; примерно в одно и то же время учились в гимназиях и в Петроградском университете, нередко посещали лекции одних и тех же профессоров. Каждый из них в своих воспоминаниях сходным образом передал дух свободы, царивший в то время в университете. Оба прошли сталинские лагеря и оставили воспоминания о них. Читая «Воспоминания» Д.С. Лихачева и «Мемогія» Нины Ивановны, нельзя не обратить внимания на общность их взглядов, мироощущения, поднятых тем и сюжетов.

Почти одними и теми же словами они обосновывают важность мемуаров. «Стоит ли писать воспоминания? Стоит, чтобы не забылись события, атмосфера прежних лет, а главное, чтобы остался след от людей, которых, может быть, никто больше никогда не вспомнит, о которых врут документы» [Лихачев 2006: 7]. «Я постараюсь нарисовать правдивые портреты людей, о которых вряд ли смогут узнать иначе правду» [Гаген-Торн 1994: 5].

Описывая студенческую жизнь своего времени, оба уделяют внимание шутливому, пародийному стилю, карнавальная стихии, в которой обыгрывались серьезные научные проблемы и важные животрепещущие темы. Так воплощался в жизнь принцип «веселой науки». У Д.С. Лихачева это шутливая Космическая академия наук, у Нины Ивановны — студенческое общество СНАРК, названное по имени корабля Джека Лондона. Этот студенческий корабль вел «дежурный рулевой», здесь делались серьезные доклады о самых последних достижениях в разных областях науки: от генетики и теории относительности до истории Египта и этнографии Японии. Серьезные доклады и дискуссии сменялись шутливой интерпретацией услышанного, розыгрышами, инсценировками, вечеринками, танцами и чтением стихов [Гаген-Торн 1994: 53–54]. Это очень важная черта стиля петроградской культуры 1920-х гг., который Д.С. Лихачев описывает следующим образом: «Были десятки кружков, встреч, шутливых обычаев, которыми Петербург провожал свое блистательное прошлое. Впоследствии А.А. Ахматова прекрасно уловила этот характер умирания культуры в своей “Поэме без героя”. Так монологическая культура “пролетарской диктатуры” сменяла собой полифонию интеллигентской демократии» [Лихачев 2006: 165].

Оба ученых уделили особое внимание лагерной топографии и оставили потомкам ценные сведения о ней. Находясь

в заключении, Н.И. Гаген-Торн использовала свой опыт этнографа, а Д.С. Лихачев в лагере начал свои филологические исследования с наблюдений за «воровским» языком, оформленных после освобождения в статью, которая была опубликована в 1935 г. в сборнике «Язык и мышление». Таких сходных тем, сюжетов, точек пересечения в произведениях того и другого довольно много.

Следует отметить еще одну черту, объединяющую эти выдающиеся личности, — их бесконечную любовь к Петербургу-Петрограду-Ленинграду. Отношение Д.С. Лихачева к родному городу и его роль в сохранении памятников архитектуры и петербургских традиций общеизвестны. У Нины Ивановны эта любовь выразилась в ее жизненных установках, решительных действиях и творчестве. В ее воспоминаниях предстает город ее юности, по которому она бродила в белые ночи. Этот образ перекликается с описаниями лучших представителей русской литературы, как оставшихся на родине, так и покинувших Россию, но постоянно возвращавшихся в своих воспоминаниях к этому городу и времени (Георгий Иванов, Ирина Одоевцева, Нина Берберова, Владислав Ходасевич, Корней Чуковский, Ольга Форш и др.). После освобождения Н.И. Гаген-Торн могла остаться в Москве, тем более что там жили ее мать и обе дочери. Но она рвалась в свой любимый город. Приведу отрывок из ее письма к подруге, еще находившейся в лагере (письмо датировано 20 марта 1955 г.).

Нелегко начинать выковывать жизнь сначала. Но силы прибывают в возлюбленном из городов. Как он великолепен! Москва тревожит нервы шумом, грохотом, муравейником и великим несоответствием, доведенным до апофеоза: высятся в небо гиганты, светя красными звездами по ночам, а рядом — притулилась и ушла в землю какая-нибудь старенькая халупа. Вздываются мосты, а под ними течет так себе речечка. И хотя уверяют, что она стала в два раза шире и глубже, на мой, привыкший к величию Енисея, взгляд, тут и смотреть-то не на что — лужица. А Нева, оказывается, не посрамит себя даже после Енисея. Влюбленная в Енисей поздней и последней любовью, я, конечно, не могу восхищаться ею, как раньше, но она — полна могучего достоинства и простора в своих великолепно оформленных берегах. Новые, яркие нити крупных жемчужин — матово круглых и сияющих фонарей — окаймляют ее вечерами. А днем — разворачиваются перламутровые пересветы солнца на дворцах и Исаакии. От каждого здания веет обдуманной простотой и завершенностью мысли. Никакой суеты, никаких фикфоксов, все просто, прочно и строго. Прямые ровные линии, бесконечные дали перспектив изредка смягчаются силуэтами деревьев и расширяются в гладь Невы и каналов. И от завершенности, от гармонии города мысль

начинает работать с привычной, восстанавливающейся сквозь десятилетия четкостью [Гаген-Торн 1994: 400; 2000а: 67–68].

И это написано в личном письме, а не для специальной публикации! Ленинграду посвящена поэма Н.И. Гаген-Торн «Город», написанная на Колыме зимой 1941–1942 гг., и цикл стихотворений [Гаген-Торн 2000а].

Надо отметить, что свойственные Нине Ивановне экспансивность, бурное изъяснение эмоций, чувство «упоения в бою» сочетались у нее, особенно в последние годы, с философским отношением к неприятностям и разочарованиям. А оптимистический взгляд в будущее не покидал ее никогда. И после отказа в публикации ее книги о «Слове» она верила, что ее подход к великому памятнику пробьет себе дорогу. Ей было не привыкать, ведь не были опубликованы очень важные для нее работы, прежде всего лагерные воспоминания. Тогда и это ее не обескуражило, потому что она сознавала, что писала для вечности: «Ведь я пишу не для сегодня и не на завтра, но для Великого дня — Будущего» [Гаген-Торн 1994: 380]. К счастью, воспоминания Нины Ивановны вышли гораздо раньше, чем она рассчитывала. Надо думать, что и книга о «Слове», которой было отдано много вдохновенного труда, станет однажды доступна читателю. Дискуссионность и спорность некоторых положений этой работы, как всякого новаторского исследования, представляются мне ее достоинством, а не недостатком, препятствующим изданию.

Исследования «Слова о полку Игореве» и раскрытие так называемых темных мест поэмы продолжается. Регулярно проходят конференции, посвященные «Слову о полку Игореве», предлагаются новые интерпретации некоторых образов и выражений. В качестве примера сошлюсь на новое толкование выражения «живые струны», в котором тесно переплетаются литературные (древнегреческие) и русские мифологические традиции [Николаев 2000]. Совсем недавно вышла книга поэта Ю.Н. Сбитнева [Сбитнев 2010], который, судя по восторженной рецензии критика, раскрыл многочисленные тайны «Слова».

Ю.Н. Сбитнев, в частности, утверждает, что автором этой поэмы была женщина — дочь князя Святослава Болеслава, собственноручная подпись которой в конце поэмы им реконструирована. Критик замечает, что два академика — Б.А. Рыбаков и Д.С. Лихачев — одобрительно отзывались об изысканиях Ю.Н. Сбитнева [Широков 2011]. Таким образом, в изучении «Слова о полку Игореве» еще не поставлена точка, дискуссии об этом великом произведении древнерусской литературы не прекращаются. Думается, и не изданный пока труд

Н.И. Гаген-Торн о «Слове» мог бы стать полноправным участником этого процесса.

Моя последняя встреча с Ниной Ивановной произошла недели за две до ее кончины. При прощании она очень спокойно произнесла: «Приходите на мои похороны». Но запомнила я ее не в болезни. В моей памяти остался образ безмерно талантливого, одухотворенного человека, творчески подходившего к изучению научных проблем, чрезвычайно литературно одаренного, бесстрашного в жизни, смелого в мыслях, заражающего и зажигающего людей своими идеями, дерзко и яростно отстаивающего их. Все, кто близко знал Нину Ивановну, не могли не восхищаться необычайной одаренностью ее натуры, ее бурным темпераментом, кипучей жизненной энергией, пристрастным отношением к людям и событиям эпохи, в которую ей выпало жить.

Во всей своей деятельности — в творчестве и обыденной жизни — Н.И. Гаген-Торн всегда была верна себе, своим нравственным принципам, полученным в семье и унаследованным от ее великих учителей в литературе и науке. В этом отношении она является безупречным примером того, как и на самых трагических поворотах судьбы можно не запятнать свои таланты — то, чем она была щедро одарена. Встреча и общение с таким человеком — большое счастье. И это счастье я испытывала на протяжении недолгого (около пятнадцати лет), но очень тесного общения с этой неповторимой личностью. Вспоминая Нину Ивановну, я могу кратко выразить свое восхищение ею только словами А.И. Герцена, сказанными о Екатерине Дашковой: «Какая женщина! Какое сильное и богатое существование!».

Сокращения

ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры

СА — Советская археология

СЭ — Советская этнография

ТИЭ — Труды Института этнографии

ЭО — Этнографическое обозрение

Библиография

Альтман М.С. Разговоры с Вячеславом Ивановым / Сост. и подгот. текстов В.А. Дымшица, К.Ю. Лаппо-Данилевского. СПб.: Инапресс, [1995].

Байбурин А.К. О шаманско-поэтической функции Волоса / Велеса // *Balsano-Balta-Slavica: Симпозиум по структуре текста: Предвар. материалы и тезисы.* М.: Ин-т славяновед. и балканистики, 1979. С. 80–82.

- Байбурин А.К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука, 1983.
- Белоус В.Г.* Петроградская вольная философская ассоциация (1919–1924) — антитоталитарный эксперимент в коммунистической стране. М.: Магистр, 1997.
- Белоус В.Г.* Вольфила [Петроградская вольная философская ассоциация]: 1919–1924. Кн. 1: Предыстория. Заседания. Кн. 2: Хроника. Портреты. М.: Модест Колеров; Три квадрата, 2005. (Исследования по истории русской мысли. Т. 11).
- Белоус В.Г.* Вольфила, или Кризис культуры в зеркале общественного самосознания. СПб.: Мирь, 2007.
- Белый А.* Символизм: Книга статей. Пг.: Мусaget, 1910.
- Воспоминания об Андрее Белом / Сост. В.М. Пискунов. М.: Республика, 1995.
- Гаген-Торн Г.Ю.* [Вступ. ст. к:] Гаген-Торн Н.И. Прокофьевы в Яновом Стане // ЭО. 1992. № 4. С. 91–92.
- Гаген-Торн Г.Ю.* Об авторе этой книги // Гаген-Торн Н.И. Memoria. М.: Возвращение, 1994а. С. 3.
- Гаген-Торн Г.Ю.* Послесловие // Гаген-Торн Н.И. Memoria. М.: Возвращение, 1994б. С. 404.
- Гаген-Торн Г.Ю.* Нина Ивановна Гаген-Торн — ученый, писатель, поэт // Репрессированные этнографы / Сост. и отв. ред. Д.Д. Тумаркин. М.: Восточная литература, 1999. С. 308–341.
- Гаген-Торн Г.Ю.* Об авторе и об этой книге // Город мой, дом мой. СПб.: Нева, 2000. С. 3–4.
- Гаген-Торн Н.И.* Этнографические работы в Чувашской республике // Сообщения ГАИМК. 1929. Т. 2. С. 174–194.
- Гаген-Торн Н.И.* Магическое значение волос и головного убора в свадебных обрядах Восточной Европы // СЭ. 1933. № 5–6. С. 76–88.
- Гаген-Торн Н.И.* Женская одежда народов Поволжья: Материалы к этногенезу. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1960.
- Гаген-Торн Н.И.* Думки з приводу сна князя Святослава у «Слові о полку Ігореві» // Народна творчість та етнографія (Київ). 1963. № 4. С. 100–104.
- Гаген-Торн Н.И.* О филологическом и историческом анализе «Слова о полку Игореве» // СА. 1970. № 3. С. 283–288.
- Гаген-Торн Н.И.* Ленинградская этнографическая школа в двадцатые годы (у истоков советской этнографии) // СЭ. 1971а. № 2. С. 134–145.
- Гаген-Торн Н.И.* Ретроспективный метод анализа в трудах Д.К. Зеленина // ТИЭ. Новая серия. 1971б. Т. 95. С. 171–180.
- Гаген-Торн Н.И.* Воспоминания о Блоке // Блоковский сборник 2. Тарту: Изд-во Тартуского гос. ун-та, 1972а. С. 444–446.
- Гаген-Торн Н.И.* Некоторые замечания о «темных местах» «Слова о полку Игореве». (Заметки этнографа) // СЭ. 1972б. № 2. С. 51–60.

- Гаген-Торн Н.И.* Новата книга за «Слово о полку Игореве» // Език и литература (София). 1972в. Кн. 2. С. 104–111.
- Гаген-Торн Н.И.* Анимизм в художественной системе «Слова о полку Игореве» // СЭ. 1974. № 6. С. 110–118.
- Гаген-Торн Н.И.* Лев Яковлевич Штернберг. М.: Наука, 1975.
- Гаген-Торн Н.И.* О структуре «Слова о полку Игореве» // Scando-Slavica (Copenhagen). 1976. Т. 22. S. 65–78.
- Гаген-Торн Н.И.* Боян — песнотворец български // Български фолклор (София). 1979а. Кн. 4. С. 14–29.
- Гаген-Торн Н.И.* Д.К. Зеленин как педагог и ученый (ленинградский период) // Проблемы славянской этнографии Л.: Наука, 1979б. С. 44–61.
- Гаген-Торн Н.И.* Борис Николаевич Бугаев (Андрей Белый) // Андрей Белый: проблемы творчества. М.: Советский писатель, 1988. С. 546–556.
- Гаген-Торн Н.И.* Вольфила: Вольно-философская ассоциация в Ленинграде в 1920–1922 гг. // Вопр. филос. 1990. № 4. С. 88–104.
- Гаген-Торн Н.И.* Андрей Белый как этнограф // ЭО. 1991. № 6. С. 87–91.
- Гаген-Торн Н.И.* Прокофьевы в Яновом Стане / Вступ. ст. Г.Ю. Гаген-Торн // ЭО. 1992. № 4. С. 91–110.
- Гаген-Торн Н.И.* Мемория. М.: Возвращение, 1994. [2-е изд. М.: Возвращение, 2010].
- Гаген-Торн Н.И.* Борис Николаевич Бугаев (Андрей Белый) // Воспоминания об Андрее Белом / Сост. В.М. Пискунов. М.: Республика, 1995а. С. 347–357.
- Гаген-Торн Н.И.* Вольфила: Вольно-философская ассоциация в Ленинграде в 1920–1922 гг. // Воспоминания об Андрее Белом / Сост. В.М. Пискунов. М.: Республика, 1995б. С. 208–214.
- Гаген-Торн Н.И.* Город мой, дом мой / Сост. Г. Гаген-Торн СПб.: Нева, 2000а.
- Гаген-Торн Н.И.* Обрядовые полотенца у народностей Поволжья // ЭО. 2000б. № 6. С. 103–117.
- Гаген-Торн Н.И., Васина А.И.* Д.К. Зеленин и его связь с эстонской наукой: По материалам личного архивного фонда ученого // Уч. зап. Тартуского гос. ун-та (Тр. по русской и славянской филологии). 1966. Т. 9. Вып. 184. С. 230–236.
- Даниэль Ю.М.* Свободная охота. М.: О.Г.И., 2009.
- Зона: Стихи / Сост. и авт. вступ. ст. Н. Домовитов. Пермь: Пермское книжное изд-во, 1990.
- Лаппо-Данилевский К.Ю.* Вместо предисловия // Альтман М.С. Разговоры с Вячеславом Ивановым / Сост. и подгот. текстов В.А. Дымшица, К.Ю. Лаппо-Данилевского. СПб.: Инапресс, 1995. С. 5–6.
- Лихачев Д.С.* Воспоминания. СПб.: Logos, 2006.
- Люди и судьбы: Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991) /

Сост. Я.В. Васильков, М.Ю. Сорокина. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003.

- Николаев А.С.* О возможном источнике выражения «живые струны» в «Слове о полку Игореве» // Индоевропейское языкознание и классическая филология — 4: Материалы чтений памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. СПб.: Алетей, 2000. С. 80–83.
- Отечественное стиховедение: 100-летние итоги и перспективы развития: Материалы международной научной конференции 25–27 ноября 2010 г. / Под ред. С.И. Богданова, Е.В. Хворостьяновой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2010.
- Пискунова С.И., Пискунов В.М.* Комментарии // Воспоминания об Андрее Белом / Сост. В.М. Пискунов. М.: Республика, 1995. С. 541–542.
- Пушкин А.С.* Заметка к «Слову о полку Игореве» в переложении А.Ф. Вельтмана // Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. М.: Гослитиздат, 1962. Т. 6: Критика и публицистика. С. 422–428.
- Ревуненкова Е.В.* Миф — обряд — религия: Некоторые аспекты проблемы на материале народов Индонезии. М.: Наука, 1992.
- Ревуненкова Е.В., Решетов А.М.* Сергей Михайлович Широкогоров // ЭО. 2003. № 3. С. 100–119.
- Решетов А.М.* Репрессированная этнография: люди и судьбы. Ч. 2 // Кунсткамера. Этнографические тетради. СПб.: Петербургское востоковедение, 1994. Вып. 5–6. С. 359–363.
- Решетов А.М.* К 100-летию Н.И. Гаген-Торн // ЭО. 2000. № 6. С. 101–102.
- Сбитнев Ю.Н.* Тайны родного слова. Чернигов: Троица, 2010.
- Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛАГ: Опыт худож. исслед.: В 2 т. М.: Советский писатель; журнал «Новый мир», 1989. Т. 1.
- Строфы века: Антология русской поэзии / Сост. Е. Евтушенко. Минск; М.: Полифакт, 1997.
- Успенский Л.* Записки старого петербуржца. Л.: Лениздат, 1970.
- Фольклор и культурная среда ГУЛАГа / Сост. В.С. Бахтин, Б.Н. Путилов. СПб.: Б.и., 1994.
- Фори О.Д.* Сумасшедший корабль / Предисл. Д. Быкова; послесл. М. Котовой. М.: АСТ; Астрель, 2011.
- Хлопина И.Д.* Нина Ивановна Гаген-Торн // ЭО. 1990. № 3. С. 95–97.
- Шапорина Л.В.* Дневник: В 2 т. М.: Новое литературное обозрение, 2011. Т. 2.
- Широков А.* Петух поет в надежде на утро // Литературная газета. 2011. 5–11 окт. № 39. С. 15.
- «Эта пристань есть...»: Портреты. Размышления. Воспоминания о людях и Писательском доме / Сост. Т.В. Акулова. СПб.: Ауро-Инфо, 2012.